

фибула типа J (по Ю. Айлио),¹¹ принадлежавший ребенку браслет, на котором лежали остатки бараньей шкуры.

Наиболее ранним комплексом Кирккайланмияки является исследованная в 1978 г. мог. V. Относящиеся к ней скорлупообразные фибулы типа Е датируются погребение XI в.¹² Остальные украшения могилы — лопатковидная подвеска и литые двусpirальные цепедержатели — также, судя по другим находкам в Финляндии, принадлежат к этому же столетию. Встреченная случайно на могильнике подвеска-птица относится к типу, который датируется в Финляндии концом X или XI в., за исключением находки из Мюллюмяки в Ноуси, которая по монетам датируется XII в.¹³

Исследованные в 1978 г. погр. I и IV, судя по скорлупообразным фибулам типа IC (по П.-Л. Лехтосало) и двусpirальным цепедержателям с карельским орнаментом, относятся, вероятнее всего, к XII в.¹⁴ Обнаруженные в мог. IV браслеты тоже представлены формами, которые в Западной Финляндии датированы XI в., но иногда такие причисляются и к XII в.¹⁵ Браслеты из Холлола отличаются от остальных подобных изделий деталями орнамента и способом изготовления. Сходные им были широко распространены в землях у Балтийского моря, на Готланде, в Прибалтике и на северо-западе Руси. Такие же найдены в «жертвенных» местах Северной Швеции.¹⁶ Эти изделия употреблялись долгое время.

Найдки из Эстонии и Северо-Западной Руси датируются даже XIII—XIV вв. Встреченные в мог. I и относящиеся к вышеупомянутому типу браслеты тоже можно датировать XII в., ибо они, согласно наблюдению Л. Томантеря, украшены таким же дефектным треугольным штампом, как и браслеты из погр. IV. Очевидно, эти браслеты были изготовлены в одной кузнице. Их орнаменты, за мелкими исключениями, схожи и в других отношениях.

Приблизительно XII—XIII вв. датируется исследованная И. Лепшиахо мог. I, где найдены скорлупообразные фибулы типа IB. Ко времени, переходному от эпохи крестовых походов к средневековью, принадлежат встреченные в могильнике подковообразные фибулы, сплетенные из двух дротов браслеты и круглая решетчатая подвеска. Средневековыми являются и кольцевидные фибулы.¹⁷ Наиболее поздние датированные находки из Кирккайланмияки — брактеаты — относятся к XIII—XIV вв.

Древнейшая часть могильника Кирккайланмияки была расположена западнее деревенской дороги, где в 1978—1979 гг. нашли могилы с богатым инвентарем. Правда, вокруг них встречены безынвентарные погребения, относящиеся к наиболее поздним комплексам могильника. Восточнее дороги локализируется обширное раннесредневековое кладбище, в могилах которого или совсем не было вещей, или находилось очень мало предметов (один-два). На этой же территории зафиксированы также почти все ямки с переложенными костями. Все они могут относиться к средневековью. Отметим еще, что над исследованной Г. Сальмо в 1936 г. мог. 4, где был найден упомянутый выше брактеат XIII в., выявлены ямки с костями.

Часть найденного вещевого материала могильника представлена предметами, типичными для еми, как например фибулы «группы Хаухо». Характерной для местного костюма является нагрудная пепочка, составленная из бусин и бронзовых спиралек, обнаруженная в исследованных в 1978 г. мог. IV и V. Отмечу, что в других областях Финляндии нет датированных концом железного века покрытых серебром медных украшений.¹⁸

¹¹ Ibid., S. 108, Abb. 792; Ailio J. Karjalaiset..., s. 57, 58.

¹² Hällström O. Lisiä..., s. 51.

¹³ Sarvas P. Länsi-Suomen ruumishautojen raha-ajotukset. — Helsingin yliopiston arkeologian laitos, 1972, moniste, N 6, s. 31, 32.

¹⁴ Lehtosalo P.-L. Rapukoristeisten..., s. 28.

¹⁵ Kivikoski E. Die Eisenzeit..., S. 135, 136, Abb. 1086.

¹⁶ Serning J. Lapska offerplatstyd tråna järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna. Stockholm, 1956, s. 35; Kustina A. Randvere kivikalmistu Saaremaal. — In: Muistised kalmed ja aarded. Tallinn, 1962, s. 72, 73.

¹⁷ Sarvas P. Ristiretkijan..., s. 61.

¹⁸ Hällström O. Lisiä..., s. 60.

Влияние со стороны Приладожья отражают найденные в могильнике Кирккайланмияки восточные фибулы с ракообразным орнаментом, а также карельские двусpirальные цепедержатели и железные цепочки, происходящие из мог. IV. С другой стороны, некоторые из находок могильника (например, сплетенный из бронзового дрота браслет и решетчатая подвеска) имеют аналогии на южном берегу Финского залива. Примечательно, что встреченный в мог. V шнур из спиралек, который использовался в качестве нагрудной цепочки, по своей конструкции такой же, как бронзовая спираль, употребляемая для изготовления ливских головных украшений.

Расположенное возле важных торговых путей поселение Кирккайланмияки существовало в конце железного века и в средневековье на перекрестке западных и восточных культурных влияний, в результате которых и сложилась своеобразная восточнохя姆ская культура, чьи отдельные черты теперь установлены по находкам в Кирккайланмияки.

Новые в археологии СССР
и Финляндии М. 1984

И. В. Дубов

ГЛИНЯНЫЕ ЛАПЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КУРГАНОВ АЛАНДСКИХ ОСТРОВОВ И ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В настоящее время накоплен значительный материал, необходимый для интерпретации одного из загадочных элементов погребального обряда Волго-Окского междуречья и Аландских островов — глиняных имитаций звериных лап. Эти находки известны со времен широких раскопок, проведенных А. С. Уваровым и П. С. Савельевым в Суздалском Ополье.¹ В конце прошлого века началось полевое изучение Ярославских могильников (Тимеревского, Михайловского, Петровского). Автором первых больших раскопок был ярославский краевед И. А. Тихомиров. В курганах, исследованных им, обнаружены глиняные лапы, а также кольца, несомненно связанные с первыми и являющиеся отражением одного и того же культа.² В дальнейшем количество этого материала непрерывно возрастало — ныне лапы найдены уже в 71 насыпи.³ В целом в Волго-Окском междуречье встречено около 100 погребальных комплексов с лапами.

За пределами СССР глиняные лапы известны лишь в могильниках на Аландских островах, и одна находка происходит из Средней Швеции.⁴ Глиняные кольца там отсутствуют. По данным М. Дрейера, приведенным М. В. Фехнером, на Аландах лапы обнаружены в 43 погребальных комплексах.⁵ Таким образом, свыше 70% известных находок происходит из районов Верхнего Поволжья.

Вопросы хронологии, происхождения и связей лап из глины с определенными культурами животных неоднократно поднимались в работах как отечественных, так и зарубежных авторов. Особую трудность всегда составляло наличие тождественных находок (или по крайней мере очень близких) в удаленных друг от друга районах — на Верхней Волге и Аландских островах, а также отсутствие таких глиняных предметов в промежуточных регионах. Попытки осмысливания найденных глиняных изображений делались еще А. С. Уваровым,

¹ Уваров А. С. Меряне. — В кн.: Тр. I археол. съезда. М., 1871, т. 2, с. 700, 701, 729, 730, 820—823 и др.; Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, 1905, № 15, рис. 89.

² Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. 1 — В кн.: Тр. II обл. ист.-археол. съезда. Тверь, 1903, с. 87—248; То же. Ч. 2. — В кн.: Тр. III обл. ист.-археол. съезда. Владимир, 1909, с. 1—98.

³ Фехнер М. В. Предметы языческого культа. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 86—89. — Здесь не учтены неопубликованные материалы раскопок 1974—1978 гг.

⁴ Kivikoski E. Eisenzeitliche Tontatzen aus Åland. — ESA, 1934, N 9, S. 381—391.

⁵ Фехнер М. В. Предметы..., с. 86.

полагавшим, что перед нами человеческие руки или лапы зверей, с помощью которых человек мог перейти в иной мир.⁶ Первой работой, специально посвященной атрибуции лап из глины, была статья Е. Кивикоски, выводы которой заключались в следующем: лапы специально изготавливались для погребений, имели ритуальное значение, были устойчивой долговременной традицией (VII—IX вв.).

Согласно зоологическим определениям, из 15 лап две принадлежали медведю, две — бобру, одна — человеческая рука.

Автор полагала, что лапы попали на Аландские острова из районов Центральной России; на основании этого она значительно удrewила дату связей между Аландами и Волго-Окским междуречьем (VII в.). В заключение работы она отметила: «Происхождение глиняных фигур нельзя решить до тех пор, пока не определена область распространения этих лап в России, а возможно, и в Прибалтике».⁷ Впоследствии Е. Кивикоски стала склоняться к тому, что источник распространения лап следует искать на Аландах, откуда они попали в Швецию (всего одна находка) и Среднюю Россию.⁸

В советской археологической литературе вопрос о лапах и кольцах нашел свое отражение в трудах Н. Н. Воронина, Е. И. Горюновой, М. В. Фехнера, П. Н. Третьякова. Взгляды перечисленных авторов крайне разнообразны и противоречивы.

В 1941 г. была опубликована фундаментальная работа Н. Н. Воронина о медвежьем культе в Верхнем Поволжье.⁹ Автор, используя большой археологический, этнографический и фольклорный материал, а также данные письменных источников, показал, что в раннем средневековье у народов Верхней Волги широко бытовал культ медведя, одним из конкретных выражений которого и являются лапы и кольца. Воронин предложил и объяснение находок аналогичных атрибутов на Аландах и Волге: «Здесь и там, в Поволжье и Скандинавии, мы имеем дело со сходным у разных народов перенесением архаических культовых представлений».¹⁰

Большое внимание глиняным лапам уделяла М. В. Фехнер,¹¹ которая вслед за Е. Кивикоски и П. Н. Ворониным считает, что эти атрибуты носили ритуальный характер и изготавливались специально для погребений. Фехнер, как и Кивикоски, на основе зоологических определений решает, к какому культу принадлежат лапы. По ее мнению, все лапы борбовые и являются прямым доказательством существования культа бобра в Верхнем Поволжье в эпоху раннего средневековья, но при этом не отрицается и бытование культа медведя. Вопроса происхождения лап Фехнер не касалась.

Оригинальная гипотеза П. Н. Третьякова, который не соглашается с выводами М. В. Фехнера и считает, что лапы — конкретное преломление культа медведя.¹² Их находки на Аландах и Волге являются элементом культуры одной и той же финно-угорской группировки — вепсы, попавшим в обе области с пленными. Далее Третьяков пишет, что в самой земле вепси лапы неизвестны, потому что там практиковался поверхностный обряд погребения. Эти выводы ученого могут претендовать лишь на роль гипотезы ввиду отсутствия находок в исходном регионе. Так же следует относиться и к заключению Е. А. Рябинина, который считает, что лапы и кольца — «элементы северо-западной чудской культуры».¹³

⁶ Уваров А. С. Меряще, с. 700—703.

⁷ Kivikoski E. Eisenzeitliche Tontatzen..., S. 391.

⁸ Kivikoski E. Finland. London, 1967, p. 133.

⁹ Воронин П. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. — МИА, 1941, № 6. — Этаж работы была переиздана практически без изменений: Краевед. зап., Ярославль, 1960, вып. 4, с. 25—93.

¹⁰ Воронин Н. Н. Медвежий культ..., с. 59, 60. — Аналогичные взгляды присущи и другому крупному исследователю северо-востока (см.: Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, № 94, с. 147, 148).

¹¹ Фехнер М. В. 1) Глиняные лапы из Тимеревского курганного могильника. — СА, 1962, № 3, с. 305—309; 2) Предметы..., с. 86—89.

¹² Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. — МИА, 1970, № 176, с. 127.

¹³ Рябинин Е. А. Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974, с. 10.

Таким образом, все исследователи солидарны в следующих положениях: лапы и кольца имели ритуальное назначение, готовились они специально для погребений и характерны для похоронного обряда финно-угорских племен. На этом кончается совпадение точек зрения. В дискуссии на первый план выдвинулась проблема, к какому культу относятся лапы и кольца, тощее — к культу какого животного — медведя или бобра. Однако не это сейчас главное, ибо и тот и другой культ мог быть распространен у народов лесной зоны Восточной Европы и Финноскандии. Важно выяснить происхождение указанных предметов и их назначение — смысловую связь с погребальным ритуалом. Решить данные вопросы можно только при комплексном подходе, не вырывая сюжет о лапах из системы погребального обряда. Наиболее достоверный и качественный материал в этом плане дают Ярославские могильники, где интересующие нас погребения составляют довольно компактную хронологическую группу.

В целом рассматриваемые погребения характеризуются довольно стандартным набором признаков: это трупосожжение, совершенные на месте сооружения кургана на костище; по размерам насыпи они относятся к серии больших курганов (диаметр 6—10 м, высота до 1 м). М. В. Фехнер справедливо отмечала, что лапы всегда занимают определенное место в погребениях: среди кальцинированных костей на костище или рядом с урной, наполненной кальцинированными человеческими костями.

Глиняные лапы и кольца являются составной частью набора признаков, характерных для середины X в. В это время типичным для Ярославских курганов становится наличие деревянных (горелье плахи) и каменных (кладки из валунов) конструкций. Почти в 50% погребений Ярославских могильников, где найдены лапы и кольца, содержатся остатки таких конструкций.¹⁴ Отметим наиболее яркие примеры: в кург. 7 и 47 Тимеревского могильника обугленные плахи четко оконтуривают костища с кальцинированными человеческими костями, среди которых найдены лапы; в трех насыпях — 171, 274, 298 — зафиксированы остатки сооружений из камня (в первой — полукруг, в остальных — просто ряды камней). Важно отметить и наличие площадок из обожженной глины, специально выложеных для погребального костра (кург. 323, 343, 356). Эти признаки сочетаются с находками не только лап и колец, но и других финно-угорских элементов — копоушек, круглодонной керамики, бубенчиков, привесок из астрагалов бобра. Аналогичная картина наблюдается также в Михайловском и Петровском некрополях.

Датированные насыпи с лапами и кольцами входят в основной в группу курганов середины X в., некоторые имеют широкую дату — X столетие, и единичные можно относить к самому концу IX в. Это заключение основано на выработанной общей хронологической шкале Ярославских могильников и на топографическом размещении курганов.¹⁵

Подкурганные конструкции из дерева и камней можно определять как реализацию идеи «дома мертвых» в Ярославском Поволжье в IX—X вв. Практически это имитация реального дома. Такие курганы в своем обряде и инвентаре содержат разноэтнические черты, однако ведущей является финно-угорская традиция, имеющая корни в погребальных сооружениях дьяковского времени типа «домиков мертвых». Истоки обычая размещения глиняных амулетов в домах реальных и «мертвых» также, видимо, надо искать в материалах дьяковской культуры, а сами лапы и кольца вполне могут являться продолжением традиций мелкой глиняной пластики дьяковцев.

В X в. в Ярославском Поволжье разворачивается процесс формирования древнерусской народности, в который внесли свой вклад и местные финно-угорские племена Верхней Волги, и одним из отражений его стали подкурганные «домики мертвых» с лапами и кольцами. Во Владимирских курганах лапы найдены также в погребениях по обряду трупосожжения на месте среди каль-

¹⁴ Дубов И. В. «Домики мертвых» Ярославских могильников. — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 122.

¹⁵ Дубов И. В. Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974, с. 8—11.

цинированных костей. Набор инвентаря в целом аналогичен ярославским комплексам.

Материалы Аландских островов в сравнении с находками в Верхнем Поволжье дают близкий обряд погребения — это прежде всего наличие костриц с кальцинированными костями; правда, там более характерны захоронения в урнах, стоящих на кострицах. Все курганы с лапами содержат каменные обкладки в виде панциря — подобие деревянного «домика мертвых». Данные сооружения в рассматриваемых регионах выполнены из разных материалов — дерева и камня. Такое отличие можно объяснить существованием двух разных традиций домостроительства, связанных с природными условиями и ресурсами. Инвентарь погребений с лапами на Алландах существенно отличается от комплексов в Верхнем Поволжье. Аландские погребения кроме лап чаще всего содержат гребни, ладьевые заклепки, детали ларчиков, которые не являются характерными для Поволжья. В целом набор вещей в курганах с лапами в Волго-Окском междуречье значительно разнообразнее и качественно иной, чем на Аландских островах.

В свете вышеизложенного появляется возможность решения вопроса о том, какие представления связаны с положением лап в погребении. Е. Кивикоски справедливо указывала, что «вряд ли случайно то обстоятельство, что зоолог опознал в этих изображениях лапы медведя и бобра, т. е. тех самых животных, которые в экономическом отношении играли важную роль».¹⁶

Собранные Н. Н. Ворониным этнографические данные говорят, что лапы медведя и, следовательно, глиняные имитации их могли являться своеобразными оберегами — хранителями очага, дома. Такие примеры можно почерпнуть из этнографии и фольклора народов Сибири, мордвы, русских. Видимо, это назначение имели реальные медвежьи лапы или кости в погребениях Юго-Восточного Приладожья, Подболотьевского могильника, костромских курганов и повгородских сопок.

Окончательное решении рассматриваемой проблемы невозможно без ответа на три вопроса — какие реалии воплощались в глиняных имитациях, почему производилась замена настоящих лап глиняными и где находится основной центр их распространения.

Как уже отмечалось, вопрос о том, чьи лапы (медведя или бобра) явились основой для глиняных изображений, стал предметом острой дискуссии. Видимо, не случайно, что зоологические определения отличаются друг от друга. Финляндские зоологи дают многозначное решение — медведь и бобр. Заключение М. В. Фехнер, также основанное на зоологическом исследовании лап, более категорично — бобр. Следует отметить, что лапы этих животных, так же как и человеческая рука, по своему строению очень близки между собой, что вызывает трудности в определении глиняных лап. Кроме того, глиняные изображения выполнены из необожженной глины, отличаются грубой выделкой, это еще более затрудняет решение задачи. Мы имеем дело не со слепками, а с изображениями, которые при сходстве реалий могут легко ввести в заблуждение. Да и создание самих изображений вряд ли было процессом копирования. Если же обратиться к этнографии и фольклору, а также данным письменных источников, можно найти примеры связи бобра с «водяным», но не с хранителем домашнего очага — тот факт, что бобр был важным промысловым животным, еще не является доказательством существования широко распространенного культа этого животного, а утверждение М. В. Фехнера о лапах как отличительных знаках владельцев бобровых гонов вообще не имеет под собой реальных оснований.

Богатейшие археологические, этнографические, фольклорные материалы свидетельствуют о культе медведя, имеющем глубокие корни и встречающемся на большой территории лесной зоны Европы и Азии.

В трудах I советско-финляндского симпозиума по археологии опубликована интересная статья профессора К. Ф. Мейнандера, в которой он касается наряду с другими проблемами и вопроса о глиняных лапах. Автор склоняется

к заключению, что это лапы бобра, и центром их первоначального происхождения считает Ярославское Поволжье. Он отмечает, «что на Аландских островах нет и никогда не было ни медведей, ни бобров».¹⁷ Такое заключение не может быть безоговорочно принято. Во-первых, Аландские острова, как и материковая Финляндия, входили в зону обитания бурого медведя.¹⁸ Во-вторых, даже сам факт отсутствия медведя или бобра на Алландах не отвергает полностью возможности интерпретации рассматриваемых глиняных изображений как имитаций лап того или иного животного.

Решение вопроса, к культу какого конкретного животного принадлежали лапы и кольца, задача безусловно сложная. Возможно, что они являются отражением целой системы ритуальных представлений. Однако приведенные выше доказательства позволяют нам полагать, что глиняные лапы скорее всего следует связывать с культом медведя.

Вытование традиций — положение в могилу не подлинных лап, а их глиняных заменителей — могло зависеть от определенных стадий культа животных. По этнографическим данным, любой зооморфный культ переживает две основные стадии: начальный этап — табу на умерщвление зверя, поскольку он является тотемом; поздний — охотничье-промышленный культ. Этим скорее всего может объясняться факт замены костей животных в погребениях их имитациями.¹⁹

Чрезвычайно трудным является и вопрос о прародине глиняных лап и кольец. Известно, что наиболее ранние из них найдены на Алландах (VII в.). Однако подавляющее большинство алаандских находок все же относится к раннему средневековью, т. е. они синхронны волжским находкам.

Скорее всего, мы имеем дело с явлением конвергенции, когда у разных народов (скандинавы и финно-угры) на определенной стадии социально-экономического развития могут возникать аналогичные проявления одних и тех же культовых представлений; кстати, не совсем аналогичные, так как на Алландах глиняные кольца не представлены. Наличие территориальной лакуны между аландскими и поволжскими находками, а также относительно слабая корреляция лап со скандинавскими вещами в погребальных комплексах Ярославщины и Владимирщины заставляют нас отказаться от предположения о прямом проникновении их из Финноскандии. Современное состояние материала не дает возможности полностью снять этот тезис, и необходимы дальнейшие исследования для окончательного решения рассматриваемой проблемы.²⁰

Однако приведенные данные говорят в пользу местного происхождения интересующих нас амулетов — их отсутствие в мерянских грунтовых могильниках, где, кстати, известны реальные лапы медведя, не опровергает нашего заключения. Связь курганов с ладьями и кольцами с главными речными путями из района Ярославля в глубины Ростовской земли позволяет сделать вывод о распространении исследуемых предметов в качестве частей погребального ритуала из Ярославского Поволжья.

Лапы и кольца, являющиеся отражением культа медведя у финно-угров, недолго были неотъемлемым элементом погребального обряда нового формирующегося этноса — древнерусской народности. Они стали одной из ярких вспышек старых этнических традиций. В то же время эти предметы служат важным показателем наличия тесных связей между Финноскандией и Верхней Волгой, входящих в эпоху раннего средневековья в один этнокультурный регион.

¹⁷ Мейнандер К. Ф. Биармы. — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 37.

¹⁸ Млекопитающие Советского Союза. М., 1967, с. 400, 426, рис. 149, 154.

¹⁹ Несомненно заслуживает внимания сообщение К. Ф. Мейнандера о том, что замена подлинных лап глиняными имитациями могла производиться на Алландах из-за отсутствия там медведя, а в Волго-Окском междуречье — в связи с трудностями добычи этого зверя.

²⁰ Это справедливо отмечалось в выступлении В. В. Седова на III советско-финляндском симпозиуме по археологии при обсуждении нашего доклада.